

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-36

Серия «Эксклюзивная классика»
Перевод с английского
Серийное оформление *Е. Фerez*
Компьютерный дизайн *А. Чаругиной*

О.Генри.
О-36 Вождь краснокожих : [сборник рассказов : перевод с английского] / О.Генри. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 416 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-122083-9

Рассказы великого О.Генри... Их герои — то просто «маленькие люди» большого Нью-Йорка, то легкомысленные и веселые художники и писатели, то парни из лихого бандитского района и их трогательно верные подруги, то обитатели Дикого Запада — ковбои, ранчеры, фермеры... Их сюжеты всегда захватывающе увлекательны, развязки — стремительны и неожиданны.

Но главное достоинство рассказов О.Генри — это, конечно, их юмор. Юмор, проявляющийся в каждой фразе, в каждом диалоге. Юмор, то злой и ядовитый, то трогательный и подкупающе лиричный...

УДК 821.111-32(73)
ББК 84(7Сое)-44

Дебют Мэгги*

Каждый субботний вечер клуб «Трилистник» устраивал танцы в зале спортивного общества «Равные шансы», помещавшегося в Ист-Сайде. Чтобы получить право посещать эти танцы, вам полагалось или состоять членом общества «Равные шансы», или же работать на картонажной фабрике Райнгольда — последнее, разумеется, при условии, что, танцуя вальс, вы не путали, где у вас правая нога и где левая. Впрочем, любой член «Трилистника» пользовался разовой привилегией явиться в сопровождении постороннего — партнера или партнерши. Но в подавляющем большинстве случаев каждый из «трилистников» приводил с картонажной фабрики ту, к которой испытывал особое расположение. Мало кто из чужих мог похвастаться, что он регулярно разминает ноги на субботних встречах «Трилистника».

У Мэгги Тул были тусклые глаза, крупный рот и экстракосопальный стиль в тустепе, и потому на танцы она ходила вместе с Анной Мак-Карти и ее «парнем». Анна и Мэгги работали на фабрике бок о бок и были закадычными подругами, поэтому Анна заставляла Джимми Бернса каждую субботу заходить

* © Перевод. Н. Дехтерева, наследники, 2018.

с ней на дом к Мэгги, чтобы та тоже могла побывать с ними на танцах.

Спортивное общество «Равные шансы» оправдало свое наименование. Его гимнастический зал на Орчард-стрит был оборудован всевозможными снарядами, способствующими развитию мускулатуры. Члены общества, характер которых сложился при таких обстоятельствах, были склонны к бодрым физическим соревнованиям с полицией и с различными спортивными и неспортивными соперничающими организациями. Субботний бал, прерывающий эти серьезные занятия, одновременно оказывал облагораживающее влияние и служил надежной ширмой. Ибо время от времени проползал слушок, и если вы принадлежали к числу избранных, вы на цыпочках поднимались по неосвещенной лестнице черного хода и могли присутствовать при самой безукоризненной встрече борцов полусреднего веса, какая когда-либо происходила за канатами арены.

По субботам картонажная фабрика Райнгольда заканчивала работу в три часа. В один из таких дней Анна и Мэгги вместе возвращались домой. У дверей дома, где жила Мэгги, Анна сказала, как всегда:

— Ровно к семи будь готова, Мэгги, мы с Джимми зайдем за тобой.

Но что это? Вместо того чтобы, как обычно, услышать от неудачливой подруги униженные изъявления благодарности, Анна увидела высоко вздернутую голову, горделивые ямочки в уголках широкого рта и подобие блеска в тусклых карих глазах.

— Спасибо, Анна, — сказала Мэгги, — но сегодня вам с Джимми незачем беспокоиться. За мной зайдет один знакомый.

Миловидная Анна кинулась к подруге, принялась тормошить, упрекать и умолять ее. Мэгги Тул

подцепила парня! Славная, преданная, неприметная дурнушка Мэгги — добрая товарка, но такая непривлекательная в качестве партнерши в танцах или на залитой луной скамейке в маленьком парке! Как это так? Когда это случилось? Кто он?

— Сегодня вечером увидишь, — сказала Мэгги, зардевшись от вина из первых гроздей, собранных в винограднике Купидона. — Шикарный, что надо. На два дюйма выше Джимми и модный дальше некуда. Я познакомлю вас с ним, как только войдем в зал.

Анна и Джимми в тот вечер прибыли одними из первых. Анна не отрывала жадных глаз от входа в зал, чтобы поскорее увидеть, что уловила Мэгги в свои сети.

В половине девятого мисс Тул вступила в зал в сопровождении своего кавалера. Ее торжествующий взгляд мгновенно обнаружил подругу под крылышком верного Джимми.

— Ого! Вот это да! — воскликнула Анна. — Вот это называется оторвала! Шикарный, а? Вот это я понимаю! Ничего себе! Ты только взгляни, Джимми!

— Давай, давай, не стесняйся, — проговорил Джимми голосом с наждачным оттенком. — Иди, лови его, коли так нравится. Придет новый тип, фасонит, и уже: «Ах, ах!» Можешь не обращать на меня внимания. Небось не все до одной на него клонут. Подумаешь!

— А, заткнись, Джимми! Ты же понимаешь, о чем я говорю. Я рада за Мэгги. Ведь это у нее первый в жизни парень. Вот они идут сюда!

Мэгги двигалась через зал, словно кокетливая яхта, конвоируемая величественным крейсером. В самом деле, ее кавалер заслуживал панегирика верной Анны. На два дюйма выше среднего атлета из «Равных шансов»; темные вьющиеся волосы; глаза и зубы сверкают при каждой то и дело мелькающей улыбке.

Молодые люди из клуба «Трилистник» ценили в мужчине не столько внешнюю привлекательность и изысканные манеры, сколько отвагу, успешность в решении конфликтов «вручную» и умение уклоняться от постоянно угрожавшей им «казенной квартиры». Член этого общества, желающий привязать к своей победной колеснице деву с картонажной фабрики, не унижался до того, чтобы стараться выиграть сражение методами Красавца Бруммея. Подобные приемы в военных действиях почитались недостойными. Железные бицепсы, еле стягиваемый пуговицами пиджак на широкой груди, в глазах выражение полной убежденности в том, что представитель мужской половины рода человеческого есть вершина мироздания, — таково было узаконенное оружие и снаряжение рыцарей из «Трилистника». Даже ноги, выгнутые дугой, не только не смущали их обладателей, но как бы входили в арсенал дополнительным оружием, напоминающим то, которым пользуется Купидон. И потому атлеты — ветераны клуба поглядывали на изящные позы и поклоны случайного посетителя, выставив подбородки под новым углом.

— Мой друг, мистер Терри О'Салливен, — так представляла его Мэгги. Она обвела его вокруг всего зала, знакомя с каждым «трилистником» по мере их появления. Она стала почти хорошенькой, в глазах ее появился тот особый блеск, какой бывает у всякой девушки, заполучившей своего первого поклонника, или у котенка, поймавшего свою первую мышшь.

— Ну наконец-то Мэгги нашла себе парня, — все как одна высказались девушки с картонажной фабрики.

— Мэгги Тул приманила шаркуна, — в такой форме спортсмены общества «Равные шансы» выразили свое равнодушное презрение.

Обычно на этих еженедельных танцульках Мэгги весь вечер согревала спиной кусок стены. Если иной раз кто-нибудь из чувства самопожертвования и приглашал ее на танец, она испытывала и выражала вслух столько благодарности, что в значительной степени умаляла и обесценивала его удовольствие. Она даже привыкла замечать, как Анна толкает Джимми локтем, подавая ему знак, что он должен выполнить свою повинность — пригласить ее подругу и дать ей возможность на протяжении нескольких минут наступать ему на ноги.

Но в этот вечер тыква превратилась в карету с шестеркой коней. Терри О'Салливен стал победителем, принцем, и Мэгги Тул распустила крылышки для своего первого полета бабочки. И хотя в наших метафорах волшебные сказки несколько перепутались с энтомологией, они не убавляют ни единой капли амброзии с увенчанного розами первого чудесного бала Мэгги.

Девушки осаждали Мэгги, прося познакомить с «ее парнем». Молодые люди из «Трилистника» после двух лет слепоты вдруг прозрели и заметили, что мисс Тул не лишена обаяния. Они пружинили бицепсы и приглашали ее танцевать.

Так Мэгги взяла реванш за прежнее. А что до Терри О'Салливена, то его успех на вечере был выше всякой меры. Он встряхивал кудрями, дарил улыбки и с легкостью проделывал все те семь телодвижений, на которые вы ежедневно тратите десять минут у себя в комнате перед открытым окном для приобретения гибкости и изящества. Он танцевал, как фавн. Он создавал вокруг себя атмосферу любезности и тонкого обращения: слова свободно слетали с его языка и... и он два раза подряд протанцевал вальс с той картонажной девушкой, которую привел Демпси Донован.

Демпси был главарем общества. Он носил фрак и мог дважды подтянуться на перекладине, держась одной рукой. Он был одним из подручных Большого Майка О'Салливена, и тревоги его не тревожили: ни один фараон не осмелился бы арестовать его. Если Демпси случалось пробить голову уличному торговцу или всадить пулю в коленную чашку члена клуба «Любителей природы и литературы» имени Хайнрика Б. Суини, кто-нибудь из полицейского участка заходил к нему мимоходом и говорил:

— Загляни к нам как-нибудь, Демпси, когда найдешь время. Капитан хочет перекинуться с тобой парой слов.

Но обычно оказывалось, что там собрались какие-то джентльмены с широкими золотыми цепочками для часов на животе и с черными сигарами. Кто-нибудь рассказывал забавный анекдот, и после этого Демпси возвращался к себе и полчаса работал с шестифунтовыми гантелями. Поэтому прогулку по канату, натянутому через Ниагару, можно считать безопасным балетным номером по сравнению с тем, чтобы дважды провальсировать с девушкой Демпси Донована. В десять часов у входа в зал показалась веселая круглая физиономия Большого Майка О'Салливена и в течение пяти минут озаряла улыбкой бальный зал. Большой Майк всегда заглядывал на пять минут на эти субботние танцульки, улыбался девушкам и раздавал настоящие перфекто молодым людям, к большому удовольствию последних.

Демпси Донован мгновенно оказался с ним рядом и что-то быстро проговорил. Большой Майк внимательно оглядел танцующих, улыбнулся, покачал головой и отбыл.

Музыка смолкла. Танцоры расселись на стулья вдоль стен. Терри О'Салливен, отвесив артистиче-

ский поклон, вернул хорошенькую девушку в голубом ее обычному партнеру и направился на поиски Мэгги. Посреди зала Демпси Донован преградил ему путь.

Некий тонкий инстинкт, унаследованный нами, вероятно, от времен Древнего Рима, заставил почти всех присутствующих обернуться и взглянуть на них — у всех возникло ощущение, что это встреча двух гладиаторов на арене. Двое или трое из «Равных шансов» с бицепсами, плотно заполняющими рукава пиджака, подошли ближе.

— Минутку, мистер О’Салливен, — проговорил Демпси. — Надеюсь, вам у нас понравилось. Где, вы сказали, вы живете?

Оба гладиатора были один другому под стать. Демпси, возможно, не мешало бы сбросить фунтов десять веса. О’Салливен отличался некоторой несдержанностью движений. У Демпси был ледяной взгляд, властная линия рта, несокрушимые челюсти, цвет лица юной красотки и хладнокровие чемпиона. Гость более пылко выражал свое презрение и меньше сдерживал язвительную насмешку. Они были врагами согласно закону, написанному уже в ту пору, когда еще не остыли камни. Оба были слишком великолепны, слишком мощны, слишком несравненны, чтобы делить главенство. Лишь один из них мог выжить.

— Я живу на Гранд-стрит, — сказал О’Салливен вызывающим тоном. — И застать меня дома нетрудно. А вот где вы живете?

Демпси как будто не слышал вопроса.

— Так вы говорите, вас зовут О’Салливен, — продолжал он. — А вот Большой Майк сказал, что никогда вас прежде не видел.

— Он много чего не видел, — ответил фаворит бального зала.

— Вообще-то говоря, — продолжал Демпси любезным, но несколько хриплым голосом, — в нашем районе все О’Саллилены друг друга знают. Вы пришли с одной из наших дам, членом нашего клуба, и нам бы хотелось быть в курсе дела. Если у вас имеется фамильное древо, дайте нам возможность познакомиться с какими-нибудь выросшими на нем историческими отростками. Или вы предпочитаете, чтобы мы это древо вырвали из вас с корнем?

— А не лучше ли вам не совать нос куда не следует? — предложил О’Салливен невозмутимо.

Глаза Демпси оживились. Он поднял указательный палец, и на лице у него появилось такое выражение, будто его осенила блестящая мысль.

— Понял, — проговорил он сердечным тоном. — Понял. Произошло небольшое недоразумение. Вы не О’Салливен. Вы цепкохвостая обезьяна. Прошу прощения, что не узнал вас сразу.

Глаза О’Салливена сверкнули. Он сделал быстрое движение, но Энди Гоуген был начеку и успел схватить его за руку.

Демпси кивнул Энди и Уильяму Мак-Мохэну, секретарю клуба, и быстро зашагал к двери в конце зала. Еще двое спортсменов из общества «Равные шансы» мгновенно присоединились к небольшой группе. Терри О’Салливен был теперь в руках Совета клуба и Общественных судей. Они поговорили с ним мягко и кратко и вывели его из зала через заднюю дверь.

Этот маневр со стороны членов общества нуждается в некотором пояснении. За просторным танцевальным залом находилась комната поменьше, также арендуемая клубом. В этом помещении все персональные конфликты, возникающие на балах, разрешались один на один с помощью оружия, дарованного человеку самой природой, и под наблюдением

Совета общества. Ни одна представительница прекрасного пола не могла бы сказать, что когда-либо своими глазами видела рукопашную схватку во время бала «трилистников». Мужские представители клуба не допускали этого.

Так легко и гладко прошли предварительные переговоры, что многие в зале и не заметили, как прервался бальный триумф О'Салливена. Среди таких была Мэгги. Она ходила и искала своего провожатого.

— Проснись! — сказала ей Роза Кассиди. — Ты что, не знаешь? Демпси Донован схлестнулся с твоим красавчиком, и они все провальсировали на бойню. Скажи, Мэгги, как тебе нравится моя новая прическа?

Мэгги прижала руку к груди своей маркизетовой блузки.

— Он пошел драться с Демпси! — еле выговорила она. — Надо их остановить! Демпси Донован не может с ним драться. Да ведь... да ведь он его убьет!

— А-а что тебе за дело? — сказала Роза. — Они на каждой танцуйлке дерутся, не знаешь, что ли?

Но Мэгги уже бежала, с трудом пробираясь в лабиринте танцующих. Она стремглав ворвалась через дверь в конце зала в темный коридор и налегла крепким плечом на дверь комнаты, служившей ареной поединков. Дверь поддалась, и в одно мгновение Мэгги увидела все — Совет клуба с часами в руках, Демпси Донована без пиджака, с воинственной грацией современного боксера, приплясывающего почти перед носом противника, и Терри О'Салливена, который стоял, сложив руки на груди, с лютой ненавистью в темных глазах. Мэгги, не сбавляя скорости, бросилась вперед с громким криком — она как раз успела схватить О'Салливена за руку, повиснуть на ней и вырвать из нее длинный блестящий стилет, который он выхватил из-за пазухи.

Нож со звоном упал на пол. Холодная сталь в помещении клуба «Равные шансы»! Такого еще ни разу не случилось. С минуту все стояли, застыв на месте. Потом Энди Гоуген с любопытством взглянул на стилет и двинул его носком ботинка — словно археолог, столкнувшийся с древним, еще неизвестным ему оружием.

И тогда О'Салливен прошипел сквозь зубы что-то невразумительное. Демпси и члены Совета обменялись взглядами. Затем Демпси взглянул на О'Салливена без гнева, как смотрят на приبلудную собаку, и кивком головы указал ему на дверь.

— С черного хода, Джузеппи, — сказал он отрывисто. — Кто-нибудь швырнет тебе вслед твою шляпу.

Мэгги подошла к Демпси Donovanу. На щеках ее горели алые пятна, и по ним медленно текли слезы. Но она мужественно взглянула ему в лицо.

— Я знала это, Демпси, — сказала она, и глаза ее потускнели даже в потоках слез. — Я знала, что он итальяшка. Его зовут Тони Спинелли. Я прибежала сюда, когда мне сказали, что у вас драка. Такие, как он, всегда носят ножи. Но ты не понимаешь, Демпси, у меня еще никогда не было парня, и мне так надоело каждую субботу таскаться вместе с Анной и Джимми, и я уговорила с этим Спинелли, чтобы он назвался О'Салливенем, и сама привела его сюда. Его ведь к нам не пустили бы, если бы знали, кто он такой. Мне придется выйти из клуба, я понимаю.

Демпси повернулся к Энди Гоугену.

— Выбрось эту пилу для сыра в окно, — проговорил он. — И скажи там в зале, что мистера О'Салливена вызвали по телефону в Тэмени-холл.

Потом он снова повернулся к Мэгги.

— Послушай, Мэг, — сказал он, — я провожу тебя домой. И как насчет следующей субботы? Хочешь пойти со мной на танцы, если я зайду за тобой?

Поразительно, с какой быстротой карие глаза Мэгги из тусклых становились блестящими.

— С тобой, Демпси? — сказала она, запинаясь. — Ты еще спроси — хочет ли утка плавать?

Фараон и хорал*

Сопи заерзал на своей скамейке в Мэдисон-сквере. Когда стаи диких гусей тянутся по ночам высоко в небе, когда женщины, не имеющие котиковых манто, становятся ласковыми к своим мужьям, когда Сопи начинает ерзать на своей скамейке в парке, это значит, что зима на носу.

Желтый лист упал на колени Сопи. То была визитная карточка Деда Мороза; этот старик добр к постоянным обитателям Мэдисон-сквера и честно предупреждает их о своем близком приходе. На перекрестке четырех улиц он вручает свои карточки Северному ветру, швейцару гостиницы «Под открытым небом», чтобы постояльцы ее приготовились.

Сопи понял, что для него настал час учредить в собственном лице комитет для изыскания средств и путей к защите своей особы от надвигавшегося холода. Поэтому он заерзал на своей скамейке.

Зимние планы Сопи не были особенно честолюбивы. Он не мечтал ни о небе юга, ни о поездке на яхте по Средиземному морю со стоянкой в Неаполитанском заливе. Трех месяцев заключения на Острове — вот чего жаждала его душа. Три месяца верного крова и обеспеченной еды, в приятной компании, вдали от посягательств Борея и фараонов — для Сопи это был поистине предел желаний.

* Перевод. А. Горлин.

Уже несколько лет гостеприимная тюрьма на Острове служила ему зимней квартирой. Как его более счастливые сограждане покупали себе билеты во Флориду или на Ривьеру, так и Сопи делал несложные приготовления к ежегодному паломничеству на Остров. И теперь время для этого наступило.

Прошлой ночью три воскресные газеты, которые он умело распределил — одну под пиджак, другой обернул ноги, третьей закутал колени, — не защитили его от холода: он провел на своей скамейке у фонтана очень беспокойную ночь, так что Остров рисовался ему желанным и вполне своевременным приютом. Сопи презирал заботы, расточаемые городской бедноте во имя милосердия. По его мнению, закон был милостивее, чем филантропия. В городе имелась тьма общественных и частных благотворительных заведений, где он мог бы получить кров и пищу, соответствовавшие его скромным запросам. Но для гордого духа Сопи дары благотворительности были тягостны. За всякое благодеяние, полученное из рук филантропов, надо было платить если не деньгами, то унижением. Как у Цезаря был Брут, так и здесь каждая благотворительная койка была сопряжена с обязательной ванной, а каждый ломоть хлеба отравлен бесцеремонным залезанием в душу. Не лучше ли быть постояльцем тюрьмы? Там, конечно, все делается по строго установленным правилам, но зато никто не суется в личные дела джентльмена.

Решив, таким образом, отбыть на зимний сезон на Остров, Сопи немедленно приступил к осуществлению своего плана. В тюрьму вело много легких путей. Самая приятная дорога туда пролегла через ресторан. Вы заказываете себе в хорошем ресторане роскошный обед, наедаетесь до отвала и затем объявляете себя неплатежеспособным. Вас без всякого

скандала передают в руки полисмена. Сговорчивый судья довершает доброе дело.

Сопи встал и, выйдя из парка, пошел по асфальтовому морю, которое образует слияние Бродвея и Пятой авеню. Здесь он остановился у залитого огнями кафе, где по вечерам сосредоточивается все лучшее, что может дать виноградная лоза, шелковичный червь и протоплазма.

Сопи верил в себя от нижней пуговицы жилета и выше. Он был чисто выбрит, пиджак на нем был приличный, а красивый черный галстук бабочкой ему подарила в День благодарения дама-миссионерша. Если бы ему удалось незаметно добраться до столика, успех был бы обеспечен. Та часть его существа, которая будет возвышаться над столом, не вызовет у официанта никаких подозрений. Жареная утка, думал Сопи, и к ней бутылка шабли. Затем сыр, чашечка черного кофе и сигара. Сигара за доллар будет в самый раз. Счет будет не так велик, чтобы побудить администрацию кафе к особо жестоким актам мщения, а он, закусив таким манером, с приятностью начнет путешествие в свое зимнее убежище.

Но как только Сопи переступил порог ресторана, наметанный глаз метрдотеля сразу же приметил его потертые штаны и стоптанные ботинки. Сильные, ловкие руки быстро повернули его и бесшумно выставили на тротуар, избавив, таким образом, утку от уготованной ей печальной судьбы.

Сопи свернул с Бродвея. По-видимому, его путь на Остров не будет усеян розами. Что делать! Надо придумать другой способ проникнуть в рай.

На углу Шестой авеню внимание прохожих привлекали яркие огни витрины с искусно разложенными товарами. Сопи схватил булыжник и бросил его в стекло. Из-за угла начал сбегаться народ, впереди всех мчался